

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 16.01.2025
рецензирования: 18.02.2025
принятия: 02.06.2025

Цензура и идеологический контроль над печатью в Куйбышевской области 1930-х годов

В.С. Кухорев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kukhorevvs@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4319-5921>

Аннотация: Статья посвящена анализу цензуры и идеологического контроля над печатью в Куйбышевской области в 1930-е годы с опорой на архивные материалы фонда Р-2247 ЦГАСО и сравнительный анализ партийных директив ВКП(б) и региональной практики. Автор показывает, как система цензуры, формально регламентированная постановлениями партии, сталкивалась с системными проблемами: недостатком квалифицированных кадров, высокой нагрузкой на цензоров и упрощением процедур допуска материалов в печать через устные указания. Особое внимание уделено трансформации системы подготовки журналистов и цензоров: краткосрочные курсы при Обллите, ориентированные на усиление идеологической выучки, позволили закрыть кадровые дефициты, но снизили профессиональный уровень редакционной работы. Анализ архивных документов раскрывает роль уполномоченных Обллита как ключевых арбитров идеологического контроля, одновременно подверженных давлению партийных комитетов и бюрократическим противоречиям. Исследование подчеркивает, что советская система цензуры не была статичной: несмотря на стремление к тотальному надзору, ее эффективность зависела от локальных условий, кадровой политики и адаптации к социально-экономическим преобразованиям. Эти выводы уточняют представления о цензуре как механизме не только всеобъемлющего контроля, но и динамичного административного управления информацией, что открывает пространство для дальнейших исследований региональных аспектов советской печати.

Ключевые слова: идеологический контроль; цензура; Куйбышевская область; 1930-е годы; редакционная деятельность; система подготовки; уполномоченные Обллита.

Цитирование. Кухорев В.С. Цензура и идеологический контроль над печатью в Куйбышевской области 1930-х годов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2025. Т. 31, № 2. С. 73–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-73-80>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кухорев В.С., 2025

Виталий Сергеевич Кухорев – ассистент кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.01.2025
Revised: 18.02.2025
Accepted: 02.06.2025

Censorship and ideological control over the press in the Kuibyshev region in the 1930-ies

V.S. Kukhorev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: kukhorevvs@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4419-5921>

Abstract: The article focuses on analyzing mechanisms of ideological control over print media in the Kuybyshev Region during the 1930-ies, based on archival materials from Fond R-2247 of the Central State Archive of Samara Oblast and a comparative analysis of CPSU(b) party directives and regional practices. The author demonstrates how the censorship system, formally regulated by Politburo decrees, encountered systemic challenges: a shortage of qualified personnel, high workloads on censors, and simplified procedures for approving materials for publication through oral instructions. Particular attention is devoted to the transformation of the training system for journalists and censors: short-term courses at the Oblit (Regional Department of Press Control), designed to strengthen ideological indoctrination, addressed personnel shortages but reduced the professional quality of editorial work. Archival document analysis reveals the role of Oblit officials as key arbiters of ideological control, simultaneously subjected to pressure from party committees and bureaucratic contradictions. The study emphasizes that the Soviet censorship system was not static: despite efforts toward total surveillance, its effectiveness depended on local conditions, personnel policies, and adaptation to socio-economic transformations. These findings refine perceptions of censorship as a mechanism not only of repression but also of dynamic administrative information management, opening avenues for further research into regional aspects of Soviet media policy.

Key words: ideological control; censorship; Kuibyshev Region; 1930-ies; editorial work; staff shortages; training system; Oblit authorized representatives.

Citation. Kukhorev V.S. Censorship and ideological control over the press in the Kuibyshev region in the 1930-ies. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 73–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-2-73-80>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflict of interests.

© Kukhorev V.S., 2025

Vitaliy S. Kukhorev – assistant lecturer of the Department of Russian History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Проблематика контроля над периодической печатью в советское время неразрывно связана с общей логикой становления государственной системы управления информацией. С середины 1920-х – начала 1930-х годов в стране сформировались основные институты идеологического надзора за печатью: Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств), а также сеть региональных органов цензуры. Деятельность цензурных органов была тесно связана с партийными структурами, которые обеспечивали «руководящую роль» партии во всех сферах общественной жизни, включая издательскую и редакторскую работу. Однако реальные условия функционирования цензуры и редакций – дефицит квалифицированных кадров, высокая нагрузка на сотрудников – часто приводили к противоречивому воплощению идеологических установок на практике. Эти аспекты требуют более глубокого изучения в исторических исследованиях.

Современные исследования механизмов идеологического контроля над печатью в СССР 1930-х годов выявляют ключевые тенденции, включая эволюцию цензурных органов от централизованных структур, например Главлит, к региональным управлениям, двойственную роль цензуры как инструмента политического контроля и «защиты от внешних угроз», а также противоречия между официальной доктриной и реальной практикой. Работы И.Г. Иванцова [Иванцов 2015], А.М. Подлужной [Подлужная 2012] и А.В. Сурова (Суров 2015) подчеркивают централизацию системы под партийным руководством, отмечая роль ВЧК-ГПУ-ОГПУ и Агитпропа в ее становлении. Однако авторы указывают на организационные сложности на местах: дефицит кадров, разрозненность контролирующих инстанций и нестыковки в координации между центром и регионами.

Центральное место в историографии занимает анализ роли Главлита. В.А. Бондаренко отмечает, что этот орган, осуществлявший предварительный контроль над печатной продукцией, согласование кадров и ограничение распространения материалов, стал ключевым инструментом идеологического надзора, включая деятельность местных отделений в Куйбышевской области [Бондаренко 2019]. А.О. Яланузян дополняет эту трактовку, акцентируя ужесточение контроля над СМИ, радиовещанием и кадровыми назначениями в 1930-е годы, что превратило Главлит в механизм тотального идеологического регулирования [Яланузян 2019]. Э.Н. Нежигай конкретизирует региональ-

ный аспект: через сеть Гублитов Главлит устанавливал жесткий контроль над кадровым составом, цензурой изданий и финансовыми аспектами (например, цензурными сборами), что в Куйбышевской области, как и в других регионах, приводило к дублированию полномочий, некомпетентности местных цензоров и тотальной идеологизации культурного пространства [Нежигай 2017].

Важное направление исследований – взаимодействие партийных структур и цензурных органов. С.А. Дианов раскрывает региональные аспекты этого процесса на примере Урала, показывая, как партийные комитеты ВКП(б) в 1930-е годы постепенно подчиняли себе цензурный аппарат через кадровый контроль, административное давление и формальную отчетность [Дианов 2011 а]. В другой работе Дианов выявляет социальные проблемы сотрудников цензуры: нехватку жилья, низкие зарплаты и отсутствие стимулирующих выплат, что вызывало массовую текучку кадров в регионах [Дианов 2011 б]. Эти данные важны для понимания специфики Куйбышевской области, где партийные органы, несмотря на формальное подчинение центру, действовали ситуативно, сочетая репрессивные меры с бюрократической инерцией.

Неформальные аспекты взаимодействия цензуры и редакций анализируют А.С. Сизова [Сизова 2020] и Ф.К. Ярмолич [Ярмолич 2015]. Они отмечают, что отношения между цензорами и журналистами часто строились на партнерских договоренностях, а не только на партийных инструкциях и предписаниях. И.А. Гращенков связывает трансформацию цензуры с усилением роли Сталина и переходом от государственного контроля к партийному, что повлияло на жесткость предварительной и последующей цензуры [Гращенков 2008].

Региональные механизмы контроля исследуются в работах А.Н. Коровникова, который на примере Молотовского обллита демонстрирует унифицированные подходы к надзору за газетами, типографиями, библиотеками и музеями, включая многократные проверки книжных фондов и корректировку идеологических ошибок [Коровников, Сулов 2014]. Важной работой является также труд А. Гужаловского, описывающий особенности работы цензурной системы в Белорусской ССР [Гужаловский 1992]. Эти выводы подтверждают общесоюзный характер методов, описывают локальные практики, применявшиеся в т. ч. и в Куйбышевской области.

Широкий контекст идеологического контроля раскрывают исследования М.Г. Чогандарян [Чогандарян 2013] и Н.А. Ивановой [Иванова 2014].

Чогандарян показывает, как советская пропаганда 1920–1930-х годов, опираясь на агитационные ячейки и репертуарные комитеты, формировала единую идеологическую систему через контроль над печатью, культурными мероприятиями и искусством. Иванова, анализируя репрессии в Магнитогорске, подчеркивает, что любые проявления инакомыслия, даже в науке или культуре, квалифицировались как «вредительство», что подтверждает механизмы тотального надзора, характерные для всей страны, включая Куйбышевскую область. Г.В. Костырченко приводит ценные статистические данные по количеству публикаций и книг, изъятых цензорами в начале 1940-х гг., однако не охватывает выбранный нами для исследования период [Костырченко 1996].

Несмотря на значительный корпус работ, региональный аспект – специфика функционирования цензуры в Куйбышевской области – остается недостаточно изученным. Это подтверждает актуальность источниковедческого анализа архивных материалов, раскрывающих механизмы взаимодействия местных управлений цензуры с редакциями в условиях централизованной системы идеологического надзора.

Исследование опирается на комплекс источников, сочетающих нормативно-правовые документы (директивы ВКП(б), распоряжения республиканских наркоматов), региональные архивные материалы (документы фонда Р-2247 «Управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит)», 619 ед. хр., Центрального государственного архива Самарской области), что позволяет реконструировать механизмы идеологического контроля в Куйбышевской области. Эти документы раскрывают официальную политику партии, регламентирующую функции цензуры, включая последующий контроль за литературой и запрет «контрреволюционных» изданий. Однако их реализация на местах, как показывают архивные материалы фонда Р-2247 ЦГАСО, сталкивалась с практическими сложностями. Например, служебные записки и переписка уполномоченных Обллита фиксируют случаи некомпетентности цензоров, задержки выпуска газет из-за перегрузки сотрудников и даже публикации, нарушающие партийные директивы.

Связь между источниками проявляется в том, что партийные директивы задавали рамки системы, а региональные архивы раскрывают ее внутренние противоречия. Например, постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 декабря 1937 г. запрещало произвольное изъятие литературы, что отражает попытку центра упорядочить практику, тогда как документы ЦГАСО демонстрируют, что до этого момента цензоры действовали по ситуации, опираясь на субъективную интерпретацию «идеологических ошибок».

Информационная ценность источников заключается в их способности отразить как вертикаль власти (через нормативные акты), так и горизон-

тальные конфликты на местах (через переписку редакций и жалобы типографий). Однако ряд вопросов остается за рамками исследования: отсутствие данных о взаимодействии Куйбышевского Обллита с соседними регионами, недостаток личных архивов цензоров, которые могли бы раскрыть мотивы их решений и профессиональные стратегии. Эти лакуны указывают на необходимость расширения источниковой базы для полного понимания региональной специфики советской цензуры.

Целью исследования является анализ механизмов реализации идеологического контроля над печатью в Куйбышевской области в 1930-е годы, включая выявление организационных сложностей и особенностей взаимодействия местных органов цензуры с редакциями периодических изданий в условиях советской системы государственного управления.

Основная часть

Формирование централизованной цензурной системы в СССР началось с декрета Совнаркома РСФСР от 6 июня 1922 года, учредившего Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) (Декрет «Положение о Главном управлении...» 1922). Изначально подчинявшийся Наркомпросу, Главлит вскоре стал полностью независимым от партийных структур ВКП(б). Его полномочия охватывали контроль за литературой, периодикой, радио, театрами и кинематографом, что укрепило идеологический контроль государства. Ключевым этапом становления этой системы стало постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1930 года, которое монополизировало издательское дело, объединив Госиздат с другими организациями (Сборник документов 1954, с. 398). Это закрепило за партией полный контроль над производством и распространением печатной продукции.

В 1930-е годы произошла реорганизация Главлита, а функции предварительного просмотра материалов переданы уполномоченным при государственных и общественных издательствах, что создало многоуровневую систему контроля. Уполномоченные формально подчинялись Главлиту, но финансировались за счет подведомственных организаций, что усиливало вертикаль власти и зависимость цензоров не только от центральных директив, но и от воли местных элит. Выстроенная в 1930-е гг. система контроля широко показала масштабы своей работы уже в годы Великой Отечественной войны. Например, за период с 1 июля 1941 года по 1 ноября 1944 года цензоры заблокировали 33 441 корреспонденцию по военным тайнам и 10 790 материалов по идеологическим причинам, демонстрируя масштабы системы [Костырченко 1996, с. 92].

Опыт дальнейшего становления системы цензурных органов в 1930-е годы демонстрирует, что идеологические директивы ВКП(б) служили основой для контроля над культурным пространством, регламентируя как общие принципы, так и част-

ные аспекты цензуры. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г., Главлит был обязан обеспечивать «общее руководство и инспектирование подчиненных органов» и «разрешение и запрещение изданий», при этом сохраняя за собой функцию последующего контроля за выходящей литературой (Постановление «О Главлите» 1930). Однако реализация этих установок на практике часто сталкивалась с противоречиями. Например, циркуляр ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1935 г. «Об изъятии троцкистско-зиновьевской литературы» обязывал местные органы строго следить за изъятием из библиотек и магазинов произведений, содержащих «контрреволюционную» идеологию, и предупреждал о недопустимости расхищения книг под предлогом «чистки» (Циркуляр «Об изъятии...» 1935). Несмотря на это, напротив, в 1937 г. в Ленинграде была напечатана книга А. Шотмана «Как из искры возгорелось пламя», где упоминались имена репрессированных лидеров (Троцкого, Зиновьева и др.) и их роль в революции. Цена за этот инцидент оказалась высока: цензор Гренлунд, допустивший издание, был привлечен к административной ответственности [Ярмолич 2015, с. 229].

Этот, казалось бы, рядовой случай, стал частью более широкой проблемы, связанной уже перегибами, а именно с произвольным изъятием литературы, которая достигла критического уровня к концу 1937 г. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 декабря 1937 г. «О ликвидации вредительской системы изъятия Главлитом литературы» констатировало, что массовые изъятия книг, включая произведения классиков марксизма-ленинизма и учебники, проводились под предлогом «опороченности» переводчиков или авторов и наносят вред системе образования, снижая культурный уровень общества. ЦК осудил такую практику, запретив изъятие литературы без специального разрешения центра и передав право решения таких вопросов исключительно Главлиту и его местным органам (Постановление «О ликвидации вредительской системы...» 1937). Однако до этого момента подобные действия, как в случае с Шотманом, становились поводом для репрессий как против цензоров, так и против авторов.

Цензура также контролировала иностранные издания. Ленинградское отделение Главлита разработало методики оценки «тенденциозности» материалов, особенно информации об экономическом сотрудничестве СССР с зарубежными странами. «Обзор буржуазной прессы», начатый в 1931 году, анализировал запрещенные журналы и газеты, фокусируясь на угрозах для внутренней и внешней политики [Ярмолич 2025, с. 224–225].

Таким образом, система цензуры находилась в постоянном напряжении между необходимостью соблюдения партийных директив и практическими сложностями их реализации. Директивы ВКП(б) создавали иллюзию строгой регламентации, но реальные действия цензурных органов часто при-

водили к конфликтам и даже парадоксальным ситуациям, когда изъятие литературы становилось инструментом дестабилизации культурного пространства. Однако масштабы этих проблем особенно остро проявлялись на региональном уровне, которые мы рассмотрим на примере Куйбышевской области, где недостаток квалифицированных кадров и организационные сложности превращали формальные установки в источник проблем.

Анализ архивных материалов в части цензурной работы в Куйбышевской области свидетельствует о том, что ряд проблем был обусловлен недостатком кадров. Так, в редакциях периодически скапливались заметки и статьи, остававшиеся без должной проверки, поскольку журналисты выезжали по колхозам и заводам, а у работников цензуры не хватало сил и времени для оперативного контроля. В результате номера газет нередко сдавались в печать с опозданием на день-два, что негативно отражалось на репутации издания, формируя недовольство подписчиков. Цензоры же, порой вынужденные работать с неотредактированными текстами, пропускали орфографические и стилистические недочеты, а иногда и содержательные ляпы. В архивах сохранились жалобы типографских работников на задержки с подачей материалов, из-за чего нарушались сроки выпуска (ЦГАСО. Ф. Р-1095. Оп. 4. Д. 2. Л. 4).

Люди шли работать в цензуру прежде всего из-за идеологической лояльности и стремления занять привилегированное положение в партийной иерархии. Цензоры рассматривались как «носители партийной линии», что давало им статус политической элиты второго порядка. Кроме того, материальные стимулы играли роль: заработная плата цензоров была выше средней по региону (около 600–700 руб. в месяц), а также предоставлялись дополнительные льготы, включая спецпак. Однако ключевым фактором оставалась возможность карьерного роста – успешные цензоры могли быть переведены в центральные органы или партийные структуры.

Примечательно, что для журналистов и активных авторов работа в газете могла стать финансово весьма ощутимой прибавкой: 15 рублей за публикацию на тот момент считались неплохой суммой. Самых деятельных и умеющих писать «в духе времени» даже привлекали на роль общественных представителей газеты на предприятиях, обеспечивая им дополнительный заработок и определенный социальный статус. Несмотря на это, общий контроль над деятельностью любого издания оставался в руках уполномоченных Обллита: согласно справке отдела печати и издательств Обкома ВКП(б), в Куйбышевской области имелись десятки официально утвержденных цензоров при областных и районных газетах, которые принимали решение об открытии или закрытии издания, назначении редакторов, формировании тиражей и тематического плана.

Важным аспектом функционирования цензуры была практика принятия конкретных решений об

опубликовании или снятии материалов. Архивные документы указывают, что допуск в печать зачастую сопровождался лишь устными указаниями цензора, вместо того чтобы оформляться письменными резолюциями. Подобное упрощение процедуры, зафиксированное в одной из докладных записок о проверке работы уполномоченных Обллита по ряду районов, позволяло цензорам дистанцироваться от формальной ответственности. Это давало им возможность избежать проблем, если сверху последует критика по поводу «недостаточно строгой» идеологической линии. Наряду с этим нельзя исключать и неформальных договоренностей между редакциями и цензорами, когда устные разрешения выступали инструментом обхода избыточно строгих или противоречивых правил (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 2). В этой связи особый интерес представляет практика принятия решений цензорами в Белорусской ССР, описанная А. Гужаловским [Гужаловский 1992], явно контрастирующая с опытом Куйбышевской области. Здесь видим, что некоторые печатные издания (например, учебник «Белорусский язык. Правописание» Я. Лесика, издававшийся с 1920-х годов), подвергались чересчур радикальным изменениям: после более чем 140 правок в 1930-х годах его издание было вовсе запрещено [Гужаловский 1992, с. 102]. Кроме того, цензоры были вынуждены удалять фразы, подчеркивающие национальную идентичность («Белорусские бояре с интересом смотрели на польских магнатов»), заменяли термины («Родная сторона» → «Советская республика») и исключали упоминания репрессированных авторов.

Дополнительной сложностью для органов цензуры становились ситуации, когда газеты сами допускали неточности и дезинформацию, вызывавшие серьезные нарекания. Яркий пример – статья «О значении переписи распространяются ложные слухи», опубликованная в газете «Сталинец» в декабре 1936 года. В ней приводились нелепые слухи о том, что участие в переписи платное и что женам красноармейцев следует скрывать семейное положение. В результате подобные домыслы приобретали оттенок легитимности и трактовались читателями именно как «официальная» позиция газеты. Цензоры же со своей стороны указывали, что едва ли не главной обязанностью редакции должна быть не передача сплетен, а их решительное опровержение с понятными и точными разъяснениями. Данный конфликт, описанный в обзорах цензуры, демонстрирует сложность согласования линий редакторов и уполномоченных, ведь газета выполняла пропагандистскую функцию, но при этом могла непреднамеренно посеять сомнения (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 4–5).

Еще одной темой, становившейся предметом критики цензуры, было непоследовательное освещение ключевых вопросов социалистического строительства. Такие упреки предъявлялись, например, газете «За коллективизацию», которая

изначально публиковала актуальные материалы о подготовке к посевной кампании, но затем теряла плановую направленность и переходила к «второстепенной» проблематике. Для советской печати подобный отход от генеральной линии считался серьезным изъятием, поскольку каждая газета должна была выступать органическим звеном партийной агитации и просвещения, соблюдая при этом требование системности и идеологической выдержанности. Сходные замечания относились и к недостаточному вниманию к новому Основному закону – «Сталинской» Конституции 1936 года, которую предписывалось пропагандировать повсеместно и регулярно (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 10–11).

Внимание уполномоченных Обллита затрагивало не только содержание, но и визуальную часть газетных публикаций, качество используемых клише и иллюстраций, а также соблюдение норм технического оформления верстки. В условиях углубления «массовой культуры» и развития технологий в 1930-х годах подобная составляющая играла не последнюю роль в пропаганде. И любые нарушения, от неточности статистических данных до «замазанной» фотографии высших партийных руководителей, попадали в поле зрения цензуры, поскольку потенциально могли либо искажать представление о действительности, быть нелепыми, либо выглядеть недостаточно «идеологически правильными» (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 39).

Обращение к стенограммам совещаний уполномоченных дает представление о том, что деятельность цензоров не была простой. Цензурные работники испытывали постоянное давление как со стороны партийных органов, требовавших оперативной публикации политических решений, так и со стороны официальных установок Главлита, которые предусматривали жесткие ограничения и «правила игры». В одном из выступлений в сентябре 1938 г. цензор Юрин жаловался на постановление Красноярского райкома, обязывавшее газету публиковать резкие обвинения против некоторых групп комбайнеров и трактористов, объявленных «врагами народа». Уполномоченный Обллита (цензор) при этом понимал, что в случае вынесения отказа в публикации подобных заявлений он рискует быть обвиненным в саботаже и сокрытии «антипартийных» материалов. С другой стороны, чрезмерно усердная поддержка подобных обвинений, не имевших ясной фактической основы, приводила к возможности искажений, что также могло повлечь серьезные претензии к цензору уже со стороны Обллита (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 40–41).

Постоянные оргпроблемы – нехватка помещений, задержки с выплатой зарплат для сотрудников цензуры, кадровая текучесть – усугубляли ситуацию, не позволяя уполномоченным сконцентрироваться на непосредственных обязанностях. Во многих районных изданиях журналистские коллективы были молодыми и малоквалифициро-

ванными, едва окончившими семилетние школы. Алкоголизм, взаимные конфликты и жалобы на сорванные сроки выпуска дополняли общую картину. В итоге даже самые ответственные меры, прописанные партийными документами, далеко не всегда на практике воплощались должным образом (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 42–43).

Высокая кадровая текучесть цензоров в Куйбышевской области приводила к назначению на ответственные должности лиц без достаточной подготовки. Ярким примером стал случай с уполномоченной Обллита тов. Жестковой, назначенной на пост практически без опыта редакторской работы. Ее инструктаж по специфике деятельности ограничился 10 минутами – формальной процедурой, не позволяющей освоить даже базовые навыки. Уже на следующий день Жестковой поручили ответственность за склад, где хранились «вражеские» материалы, несмотря на то что их наличие было связано с халатностью ее предшественника, не уничтожившего документы. Этот эпизод иллюстрирует, как принцип партийной лояльности («принадлежность к большевистской партии делает человека универсальным бойцом») подменял профессиональные требования, создавая риски для самих цензоров и системы в целом (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 2. Д. 2. Л. 75–76). Аналогичные тенденции наблюдались и на Урале, где кадровые решения в сфере цензуры также опирались на партийную принадлежность, а не на квалификацию. Как показывает С.А. Дианов, местные парткомы активно участвовали в назначении работников райлита, определяя их зоны влияния и материальное обеспечение (например, выделяя помещения или освобождая от «лишней нагрузки») [Дианов 2011 б, с. 202]. Однако эта практика сопровождалась противоречиями: директивы Уралобкома ВКП(б) подчеркивали необходимость создавать «соответствующие условия» для работников литов, но в реальности дефицит ресурсов (отсутствие кабинетов, перегрузка) снижал эффективность их работы.

Особый интерес в рамках нашей темы представляет вопрос профессиональной подготовки работников печати, в том числе и цензоров, который неизбежно возник после сворачивания в конце 1930-х годов системы коммунистических институтов журналистики. В Куйбышевской области, по архивным данным, недостающие кадры пытались оперативно обучать на краткосрочных курсах, проводимых при Обллите. За восемь дней обучения слушатели получали концентрированный набор сведений по международной обстановке, основам марксизма-ленинизма, специфике большевистской печати, а также практические навыки «правильного» оформления текстов и охраны государственных тайн. При этом сама программа, рассчитанная в общей сложности на 64 академических часа, явно не могла обеспечить глубокое овладение профессией (ЦГАСО. Ф. Р-2247. Оп. 8. Д. 4. Л. 25). Однако в контексте потребностей пар-

тии и государства, нуждавшихся в большом количестве исполнительных и лояльных работников, такая модель массовой и краткосрочной подготовки выглядела целесообразной.

Заключение

Таким образом, анализ архивных материалов и официальных партийных установок позволяет утверждать, что пример функционирования системы цензуры в Куйбышевской области 1930-х годов типичен и для других регионов, представляя собой сложный механизм, сочетающий идеологическую регламентацию с практическими ограничениями. Цензурный аппарат, формально подчиненный партийной доктрине, сталкивался с системными проблемами, обусловленными недостатком квалифицированных кадров, высокой нагрузкой на сотрудников и противоречиями между центральными директивами и региональной практикой. Примеры, такие как назначение цензора Жестковой без профессиональной подготовки или жалобы цензора Юрина на давление со стороны районных партийных комитетов, демонстрируют, что лояльность к партии не всегда компенсировала отсутствие навыков, а административные коллизии между редакциями и уполномоченными Обллита становились неизбежной частью повседневной работы.

Особую значимость приобретают «зоны несоответствия» между официальной политикой и реальной практикой. Несмотря на жесткий контроль, зафиксированные случаи публикации спорных материалов (например, книги А. Шотмана в Ленинграде) или упрощение процедур допуска в печать через устные указания цензоров свидетельствуют о несовершенствах и пробелах в системе. Эти ситуации раскрывают как издержки бюрократического механизма, так и попытки адаптации к дефициту ресурсов и времени.

Тем не менее данные противоречия отражают напряженность между стремлением к монолитности идеологического контроля и объективными сложностями его реализации в условиях форсированного строительства социализма. Профессиональная подготовка цензоров через краткосрочные курсы, реорганизация функций Главлита и усиление партийного влияния через уполномоченных – все эти меры показывают, что система управления информацией эволюционировала, сталкиваясь с необходимостью балансировать между идеологической чистотой и оперативной эффективностью.

Итоговый образ региональной советской цензуры в 1930-е годы – это не просто инструмент ограничений, а сложный административный механизм, чья эффективность зависела от кадровых решений, степени подготовки работников, локальных конфликтов и несовершенства нормативной базы. Архивные документы из фонда Р-2247 ЦГАСО подтверждают, что в условиях даже такого контроля реальная практика оставалась многогранной, что открывает пространство для дальнейших исследований роли цензуры в формировании общественного дискурса.

Материалы исследования

Декрет «Положение о Главном управлении...» 1922 – Совет народных комиссаров РСФСР. Декрет от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1340.htm.

Постановление «О Главлите» 1930 – Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г. «О Главлите». URL: <https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/tsk/1930/index.html?id=1160>.

Постановление «О ликвидации вредительской системы...» 1937 – Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 декабря 1937 г. «О ликвидации вредительской системы изъятия Главлитом литературы». URL: <https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/tsk/1930/index.html?id=1063>.

Сборник документов 1954 – О партийной и советской печати. Сборник документов. Москва: Правда, 1954. 692 с.

Суров 2015 – Суров А.В. Цензурная политика Советского государства в 1917 – начале 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история». Москва, 2015. 234 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/tsenzurnaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-1917-nachale-1930-kh-gg>.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

Циркуляр «Об изъятии...» 1935 – Циркуляр ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1935 г. «Об изъятии троцкистско-зиновьевской литературы». URL: <https://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/law/tsk/1930/index.html?id=1190>.

Библиографический список

Бондаренко 2019 – Бондаренко В.А. Главлит как главный орган управления советской политической цензурой // Новое слово в науке: стратегии развития. 2019. С. 19–20. URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/662/Action662-519327.pdf>.

Гапсаламов, Бочкарева 2024 – Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н. Хронология становления советской историографии по проблемам государственной промышленной политики (1917-й – 1930-е годы) // Клио. 2024. № 09 (213). С. 53–57. DOI: <http://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-9-53-57>.

Гращенков 2008 – Гращенков И.А. Цензура литературного творчества и печати в СССР (1929–1941 гг.) // Власть. 2008. № 6. С. 85–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzura-literaturnogo-tvorchestva-i-pechati-v-sssr-1929-1941-gg>.

Гужаловский 1992 – Гужаловский А. Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества (1922–1941 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 1992. Т. 31. С. 77–104. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/31/04GuzhalovskiiR.pdf>.

Дианов 2011 а – Дианов С.А. Повседневная жизнь партийной организации Свердловского обллита в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3. С. 97–104. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000788751>.

Дианов 2011 б – Дианов С.А. Практики взаимодействия местных органов Главлита и партийных комитетов ВКП(б) на Урале в 1920–1930-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 40–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-vzaimodeystviya-mestnyh-organov-glavlita-i-partiynyh-komitetov-vkp-b-na-urale-v-1920-1930-e-gody>.

Иванова 2014 – Иванова Н.А. Политические репрессии как способ идеологического контроля над интеллигенцией в 1934–1953 гг. (на примере г. Магнитогорска). URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1704-politicheskie-repressii-kak-sposob-ideologicheskogo-kontrolya-nad-intelligentsiej-v-1934-1953-e-gg-na-primere-g-magnitogorska>.

Иванцов 2015 – Иванцов И.Г. Некоторые инструменты партийно-государственного контроля советского общества 1920-х – начала 1930-х гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 6–1. С. 136–139. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=6860>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23458872>. EDN: <https://elibrary.ru/tjtctb>.

Коровников, Суслов 2014 – Коровников А.Н., Суслов А.Б. Органы цензуры на страже идеологии (на материалах Молотовского обллита) // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia historica juvenum. 2014. № 1 (10). С. 69–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24902211>. EDN: <https://elibrary.ru/swlmic>.

Костырченко 1996 – Костырченко Г. В. Советская цензура в 1941–1952 гг. // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 87–94. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/203?mode=full>.

Нежигай 2017 – Нежигай Э.Н. Организационные основы деятельности органов советской политической цензуры // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 4. С. 56–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-organov-sovetskoy-politicheskoy-tsenzury>; <https://vestnik.kosgos.ru/archive-2017/vestnik-2017-4-ru.html>.

Подлужная 2012 – Подлужная А.М. Внешняя цензура в России в 1920-е – 1930-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 899–904. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-tsenzura-v-rossii-v-1920-e-1930-e-gg/viewer>.

Сизова 2020 – Сизова А.С. Становление системы советской пропаганды в 1920–1930-е годы // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2020. С. 79–82. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46225603>. EDN: <https://elibrary.ru/aucam>.

Чогандарян 2013 – Чогандарян М.Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–30-е гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6/н. С. 181–183. URL: http://domhor.bget.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/4/istoriya/chogandaryan.pdf.

Яланузян 2019 – Яланузян А.О. Становление и развитие цензуры в СССР // Научная палитра. 2019. № 1 (23). С. 41–47. URL: [https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1\(23\)/653.pdf](https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1(23)/653.pdf).

Ярмолич 2015 – Ярмолич Ф.К. Цензура и цензурируемые в СССР в 1920-е – 1930-е гг. (на материалах Ленинграда) // *Wschodni Rocznik Humanistyczny* = *Eastern Humanities Review*. 2015. Т. XII. С. 223–226. URL: http://wrh.edu.pl/wp-content/uploads/2017/07/225_PDFsam_WRH-t.-XII-2015.pdf.

References

Bondarenko 2019 – Bondarenko V.A. (2019) Glavlit as the main body for managing Soviet political censorship. In: *Novoe slovo v nauke: strategii razvitiya*, pp. 19–20. Available at: <https://interactive-plus.ru/e-articles/662/Action662-519327.pdf>. (In Russ.)

Gapsalamov, Bochkareva 2024 – Gapsalamov A.R., Bochkareva T.N. (2024) Chronology of the Development of Soviet Historiography on the Issues of State Industrial Policy (1917–1930s). *Klio*, no. 09 (213), pp. 53–57. DOI: <http://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-9-53-57>. (In Russ.)

Grashchenkov 2008 – Grashchenkov I.A. (2008) Censorship of literary creativity and the press in the USSR (1929–1941). *Vlast'*, no. 6, pp. 85–88. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzura-literaturnogo-tvorchestva-i-pechati-v-sssr-1929-1941-gg>. (In Russ.)

Guzhalovskii 1992 – Guzhalovskii A. (1992) Glavlit Belarusi (Glavlitbel) – as Instrument Controlling the Belarusian Society (1922–1941). *Acta Slavica Iaponica*, vol. 31, pp. 77–104. Available at: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/31/04GuzhalovskiiR.pdf>. (In Russ.)

Dianov 2011 a – Dianov S.A. (2011 a) Everyday life of the party organization of the Sverdlovsk Regional Glavlit in the 1930-ies. *Tomsk State University Journal*, no. 3, pp. 97–104. Available at: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000788751>. (In Russ.)

Dianov 2011 b – Dianov S.A. (2011 b) Practices of interaction between local glavlit bodies and VKP(b) party committees in the Urals in the 1920-ies–1930-ies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 12 (227). History, issue 45, pp. 40–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-vzaimodeystviya-mestnyh-organov-glavlita-i-partiynyh-komitetov-vkp-b-na-urale-v-1920-1930-e-gody>. (In Russ.)

Ivanova 2014 – Ivanova N.A. (2014) Political repressions as a method of ideological control over the intelligentsia in 1934–1953 (case study of Magnitogorsk). Available at: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2014/1704-politicheskie-repressii-kak-sposob-ideologicheskogo-kontrolya-nad-intelligentsiej-v-1934-1953-e-gg-na-primere-g-magnitogorska>. (In Russ.)

Ivantsov 2015 – Ivantsov I.G. (2015) Some instruments of party-state control of the Soviet society in the 1920 – early 1930. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, no. 6–1, pp. 136–139. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=6860>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23458872>. EDN: <https://elibrary.ru/tjctb>. (In Russ.)

Korovnikov, Suslov 2014 – Korovnikov A.N., Suslov A.B. (2014) Censorship bodies on guard of ideology (based on materials from the Molotov Regional Glavlit). *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Stadia historica juvenum*, no. 1 (10), pp. 69–71. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24902211>. EDN: <https://elibrary.ru/swlmic>. (In Russ.)

Kostyrchenko 1996 – Kostyrchenko G.V. (1996) Soviet censorship in 1941–1952. *Voprosy Istorii* = *Questions of History*, no. 11–12, pp. 87–94. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/203?mode=full>. (In Russ.)

Nezhigai 2017 – Nezhigai E.N. (2017) Organizational bases of activity of bodies of the Soviet political censorship. *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 23, no. 4, pp. 56–59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-organov-sovetskoy-politicheskoy-tsensury>; <https://vestnik.kosgos.ru/archive-2017/vestnik-2017-4-ru.html>. (In Russ.)

Podluzhnaya 2012 – Podluzhnaya A.M. (2012) The external censorship in Russia in the 1920–1930. *Izvestia Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni V.G. Belinskogo. Humanities*, no. 27, pp. 899–904. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-tsenzura-v-rossii-v-1920-e-1930-e-gg/viewer>. (In Russ.)

Sizova 2020 – Sizova A.S. (2020) The formation of the Soviet propaganda system in the 1920–1930ss. *Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.E. Tsiolkovskogo. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Kaluga, pp. 79–82. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46225603>. EDN: <https://elibrary.ru/aurcam>. (In Russ.)

Chogandaryan 2013 – Chogandaryan M.G. (2013) Methods, modes and techniques of the Soviet propaganda in 1920–1930. *Theory and Practice of Social Development*, no. 4, pp. 181–183. Available at: http://domhor.bget.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2013/4/istoriya/chogandaryan.pdf. (In Russ.)

Yalanuzyan 2019 – Yalanuzyan A.O. (2019) The formation and development of censorship in the USSR. *Nauchnaya palitra*, no. 1 (23), pp. 1–6. Available at: [https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1\(23\)/653.pdf](https://s.esrae.ru/culture/pdf/2019/1(23)/653.pdf). (In Russ.)

Yarmolich 2015 – Yarmolich F.K. (2015) Censorship and censored in the Soviet Union in the 20s and 30s (on Leningrad's materials). *Wschodni Rocznik Humanistyczny* = *Eastern Humanities Review*, vol. XII, pp. 223–226. Available at: http://wrh.edu.pl/wp-content/uploads/2017/07/225_PDFsam_WRH-t.-XII-2015.pdf. (In Russ.)